

Г. Н. Разумова

ПАВЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ

23 декабря 1998 г. учебному заведению, о котором я хочу рассказать, исполнилось двести лет. В силу, наверно, объективных обстоятельств, эта дата осталась почти никем не замеченной. Может быть, это и правильно, так как Павловского института благородных девиц, а тем более, Военно-сиротского дома, от которого он ведет свое начало, уже давно не существует. Но очень хочется думать, что двести лет, отделяющие школу № 209 от Военно-сиротского дома – это все история одного учебного заведения. Главным основанием для этого, на мой взгляд, служит существование здания, в стенах которого 67 лет размещались воспитанницы Павловского института, и которое до сих пор сохраняет свое прямое предназначение – служит делу образования подрастающего поколения. В отличие от Смольного, Екатерининского и других институтов, занятых учреждениями, не соответствующими назначению этих зданий, в бывшем Павловском институте до сих пор учатся дети.

Итак, 23 декабря 1798 г. император Павел подписал указ «Об учреждении императорского Военно-сиротского дома и отделений онаго при гарнизонных полках». Однако это дата не фактической организации дома, а лишь его узаконения. Как указывает историк Е. С. Шумигорский, Военно-сиротский дом был основан в Гатчине в 80-х гг. XVIII в., в бытность Павла Петровича великим князем¹. Тогда это был небольшой приют для детей погибших воинов, содержащийся на средства великого князя. Сразу после вступления на престол Павел Петрович частным образом, без каких-либо официальных объявлений переводит приют в Петербург и размещает в бывшем Итальянском дворце на Фонтанке. В феврале 1797 г. император повелел создать комиссию по выработке «Положения» о гарнизонных школах при полках гвардии. Комиссия, в составе цесаревича Александра, графа Палена и генералов Ламба и Аракчеева, составила «Положение об Императорском Военно-сиротском доме», которое было утверждено 23 декабря 1798 г. С этого момента и начинается законное существование интересующего нас учебного заведения.

Структурно дом был разделен на два отделения, мужское и женское, каждое из которых, в свою очередь, делилось на благородное и солдатское. Главная цель существования Военно-сиротского дома, как сказано в «Положении», заключалась в том, «чтобы воспитанием мужского пола детей внушить им, сколько возможно подробностей военного звания и должности согражданина <...> Девушки же, приобретя в сем благородном месте правила благородного поведения, и научась всему, что к пользе их служить сможет, сделаются тем в обществе отличными, что содействовать будет радости и удовольствию своих родителей и действительно своему благоденствию; для государства же плодами приложенного о них попечения произойти должна счастливая перемена в нравах и склонностях той части народа, к которой они принадлежать будут»². Можно сказать, что Павел продолжил начатое

¹ См.: Шумигорский Е. С. Павловский институт : Кр. ист. очерк. СПб., 1898.

² Полный свод законов. СПб., 1830. Т. XXV. С. 488.

его матерью дело по созданию «новой породы людей», только совместил его с заботой о бедных и сиротах.

К ноябрю 1798 г. количество воспитанников в связи с присоединением к Дому полковых школ достигло 950 человек: 250 в благородном отделении и 700 в солдатском. Итальянский дворец становится мал, и после поисков нового помещения был куплен дворец Романа Илларионовича Воронцова у Обухова моста, построенный по проекту Кваренги. Этот дворец располагался на углу нечетной стороны нынешнего Московского, а тогда Царскосельского проспекта, и левого берега Фонтанки. Территория в глубине этого квартала принадлежала Императорской Академии наук и была занята ботаническим садом. Таким образом, воспитанники, как и в Итальянском дворце, вновь проживали в весьма живописном месте.

Девичье отделение, состоящее из пятидесяти воспитанниц благородного происхождения и пятидесяти солдатских дочерей, было размещено в отдельном корпусе Воронцовского дворца. Содержание их отличалось простотой, было почти одинаковым для благородных и солдатских дочерей (кормили и одевали их одинаково) и во всем было приравнено к мужскому отделению. А вот правила приема давали преимущество солдатским дочерям. Благородные должны были при поступлении представить доказательство дворянского происхождения и неимущего состояния, а также быть не старше одиннадцати лет. На солдатское отделение принимались дети из гвардейских Артиллерийских и Кавалерийских полков без разбора религий, без ограничения возраста, а особенно сироты. Благородных воспитанниц обучали закону Божьему, русскому и немецкому языкам, арифметике, рисованию, географии, истории и рукоделиям. Образование солдатских дочерей было более скромным, здесь предпочтение отдавалось рукоделиям.

С 1799 г. расходы по содержанию Дома были приняты на счет казны. Таким образом, воспитанники находились на полном государственном обеспечении. После окончания обучения они не исчезали из поля зрения Дома до тех пор, пока основательно не устраивали свою жизнь. По достижении шестнадцати лет воспитанница могла вернуться в родительский дом, если там ее могли достойно содержать. Но поскольку большинство были бедные и сироты, то они оставались в ведомстве Военно-сиротского дома и, получая ежегодный паспорт, устраивались на работу в один из «партикулярных» домов по договору, отдавая при этом одну восьмую часть жалованья в пользу Дома. Некоторые оставались в Доме для присмотра за детьми или даже для их обучения, получая при этом полное жалование. И только те девицы, которые выходили замуж, получали аттестат, денежное приданое и становились полностью независимыми от Дома. Денежное приданое состояло из трехсот рублей от Кабинета Ее Величества и двухсот из экономии Дома для благородных и соответственно из двухсот и ста рублей – для солдатских дочерей.

Однако не все было так гладко, как хотелось бы. Директор Веймарн мало уделял внимания русским воспитанникам и занимался, в основном, кадетами-немцами. Девичье отделение его вообще мало интересовало. После смерти императора Павла положение еще более ухудшилось, и хотя Веймарн был уволен, девичье отделение предполагалось закрыть. Император Александр после долгих раздумий подписал 23 марта 1806 г. указ о его сохранении отдельно от военного училища. По его распоряжению 11 апреля 1807 г. девичье отделение поступило в Ведомство императрицы Марии Федоровны и переехало в приобретенный для него дом Остермана на Фонтанке напротив Михайловского замка (ныне участок по наб. Фонтанки, д. № 16).

С этого момента начинается новая страница в жизни Девичьего училища Военно-сиротского дома, как оно стало теперь называться. Во-первых, оно стало са-

мостоятельным учебным заведением, хотя связи с мужским отделением не будут прерваны никогда; во-вторых, заботу о нем взяла на себя замечательная женщина того времени, императрица Мария Федоровна. Она относилась скептически к идее создания «новой породы людей», полагая, что образование должно иметь практический характер. Главной его целью она считала подготовку детей к жизни «сообразно их условиям, их происхождения и материальной обстановки». Все созданные ею ранее и создаваемые позже учебные заведения имели программы, точно соответствующие сословному принципу.

Осмотрев училище, Мария Федоровна взялась за наведение в нем порядка. Она уволила ненужных сотрудников и ввела новые правила приема, лично составила инструкции для персонала училища и поручила статс-секретарю Вилламову составить программу обучения. За двадцать один год, пока училище находилось под присмотром Марии Федоровны, оно было приведено в образцовый порядок. В первое отделение стали принимать лишь дочерей офицеров до подполковника включительно, а во второе – детей нижних чинов в возрасте не младше восьми и не старше одиннадцати лет. Дети гражданских чинов не допускались вовсе. К предыдущему количеству девочек были добавлены еще пятьдесят пансионеров.

В первом отделении был введен шестилетний курс трехклассного обучения (по два года в каждом классе). Во втором отделении – два класса с главным вниманием к «хозяйственным упражнениям»: дежурству на кухне, закупке и сохранению припасов, дежурству при ключнице и кастаньянше и т. п. Пять классных дам занимались воспитанием и попечением над воспитанницами. Основными нравственными задачами Мария Федоровна считала «глубокое благоговение к закону Божию, омерзение к пороку и праздности». «Не бедность предосудительна, а постыдно неумение переносить и облегчать оную честными средствами», – говорила она³. Требуя от воспитанниц скромности во всем, Мария Федоровна, однако, не признавала экономии средств за счет пищи и одежды и именно за подобные нарушения уволила Веймарна. Материальное обеспечение училища оставалось таким, каким его предусматривало «Положение» 1798 г. и состояло из 25 000 рублей в год от Военной коллегии плюс десятая часть экономического провианта. С 1816 г. 7000 рублей в год выдавалось из государственного казначейства и по 3000 рублей Мария Федоровна выделяла из своих личных средств. При выпуске воспитанниц каждой из них выдавалось приданое из четырнадцати предметов на сумму 100 рублей благородным и 30 рублей солдатским дочерям. Приданое состояло из набора необходимой одежды в достаточном количестве.

Тем, кто хоть как-то соприкасался с темой женского образования или историей учреждений Ведомства императрицы Марии, известно, какой заботливой попечительницей была Мария Федоровна. Зная всех воспитанниц в лицо и по именам, она вела с ними беседы, следила за их здоровьем и прилежанием. Воспитанницы боготворили ее, как, впрочем, и всех последующих императриц, которые руководили Ведомством после ее смерти. Такое высокое попечительство установилось после того, как в своем завещании Мария Федоровна попросила императора Николая поручить заботу об училище его жене Александре Федоровне.

После смерти Марии Федоровны Николай I издает указ от 19 февраля 1829 г. о переименовании Военно-сиротского дома в Павловский кадетский корпус, а девичьего училища – в Павловский институт⁴. Надо сказать, что переименование

³ Цит. по: Шумигорский Е. С. Павловский институт. С. 22.

⁴ РГИА. Ф. 759. Оп. 8. Д. 18. О переименовании Девичьего училища Военно-сиротского дома в Павловский институт.

училища в институт никак не изменило статуса этого учебного заведения. Более того, в начале царствования императора Николая положение дел даже ухудшилось. Ближайшее руководство во всех институтах Ведомства императрицы Марии было возложено на местные советы, состоящие из начальниц и опекунов, назначаемых императором для наблюдения за учебными и хозяйственными делами. Многие начальницы злоупотребляли своей почти не ограниченной властью. Шумигорский пишет, что институты той поры «сделались отчасти похожи на военные школы: вместо чувства доверия и уважения воспитанницам внушались начала строгой подчиненности и дисциплины»⁵. Так происходило и в Павловском институте. Ближайшим сотрудником начальницы Амалии Францевны Стависской (руководила институтом с 1819 по 1849 г.) был начальник Павловского кадетского корпуса. Он полностью руководил хозяйственной частью института. Этот порядок продержится вплоть до 1917 г. Не удивительно, что в тот период влияние военной системы было огромным. Для наказания воспитанниц стали использоваться розги. Из-за хозяйственных злоупотреблений зачастую не хватало одежды и пищи, а на здоровье и физическое состояние девочек вообще никто не обращал внимания. Хронически недоедавшие воспитанницы были бледны, за что их тоже наказывали, так как считалось, что они едят мел. Руководителя по учебной работе не было, учебники и библиотеки отсутствовали. Преподаватели работали по записям, которые заставляли учить наизусть. Такое положение дел сохранялось до 40-х гг. XIX в. В 1842 г. начальником Четвертого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии был назначен Андрей Логинович Гофман, который обратил особое внимание на программы преподавания и гигиенические условия женских учебных заведений.

Павловский институт в то время располагался, на Фонтанке у Калинкина моста, в доме Чоблоковых (д. № 144), куда он переехал из дома Остермана в 1820 г. Заведовал его хозяйственной частью начальник Павловского кадетского корпуса Владислав Филиппович Клюпфель, с душой относившийся к бедным и сиротам. Именно он поставил вопрос о неудобстве здания, плохо приспособленного для обучения и проживания, о нехватке воздуха на каждую воспитанницу, о недостатке пищи и одежды. Именно этому человеку Институт был обязан улучшением условий во всех сферах быта и постройкой специального здания.

И еще один человек сыграл огромную роль в жизни женских учебных заведений – это внук императрицы Марии Федоровны, принц Петр Георгиевич Ольденбургский. В 1844 г. под его председательством был образован комитет, который разделил все женские учебные заведения на разряды и для каждого из них выработал особую учебную программу. Павловский институт отнесли ко второму разряду (для детей личных дворян и обер-офицеров), в основу образования здесь было положено изучение иностранных языков, искусств и ремесел. А в 1845 г. под руководством П. Г. Ольденбургского был образован Главный совет женских учебных заведений, который был обязан следить за их учебной, воспитательной и хозяйственной деятельностью и которому были подчинены все местные советы. В Павловском институте тоже образовали местный совет, членом которого был назначен князь Ширинский-Шихматов. Начальницей с 1849 г. стала Наталия Родионовна Фредерикс. Она отменила наказания, ввела прогулки в саду и гимнастические упражнения. Таким образом, порядок был полностью восстановлен.

Ходатайство генерала Клюпфеля о постройке нового здания для института было удовлетворено в 1844 г. Император Николай повелел найти место для него в

⁵ Шумигорский Е. М. Павловский институт. С. 27 – 28.

Петербурге или Царском Селе. Было предложено несколько вариантов, в число которых входила и бывшая дача первого начальника Царскосельского лицея Малиновского. Выбрали место на Знаменской улице, принадлежащее Мариинской больнице. Строительство, которое было поручено академику архитектуры, старшему архитектору Департамента железных дорог Рудольфу Андреевичу Желязевичу, предполагалось завершить за три года. По проекту архитектора предусматривалось построить: основное здание, имеющее форму каре, два трехэтажных флигеля для служащих и канцелярии, деревянную галерею для прогулок, всевозможные службы (ледники, баня, прачечная и т. п.), деревянный балкон у лазарета, каменную стену, со всех сторон огораживающую территорию института.

Основное здание предполагалось в глубине от красной линии, благодаря чему образовывался сквер, отгороженный металлической решеткой на цоколе. К 1848 г. оно было построено вчерне, но из-за того, что строительство не укладывалось в смету, вместо двух флигелей построили одноэтажный флигель для бани и прачечной, службы уменьшили в размерах, ледники примкнули к флигелю. Внутри основного здания паркетные полы сделали только в квартире начальницы и зале отделения для благородных, а расходы на отделку церкви уменьшили. В пояснительной записке к смете расходов на постройку здания говорится: «внутренняя отделка здания и церкви, а так же мебель, отнюдь не должны представлять никакой роскоши, дабы не развивать в воспитанницах идей об оной, бесполезных и недоступных в том положении, в которое оне по выходе возвратятся»⁶. В соответствии с проектом, здание снаружи не оштукатуривалось, а расшивалось под кирпич, внешние окна и двери покрасили масляной краской под дуб. Парадная дверь была сделана из натурального дуба со «светлой» фрамугой. К наружным работам еще относилось устройство карнизов, рустиков, пилястр, лепных наличников и наружных ступеней с крыльцами. Сейчас здание оштукатурено и покрашено в кирпичный цвет.

В 1894 г. к левому крылу была сделана пристройка, в которой сегодня располагается огромный актовый зал. Пристройка, хотя и нарушила симметрию основного здания, но была сделана так умело, что это почти не заметно. Кроме этого, за истекшие сто пятьдесят лет никаких наружных изменений не произошло. Перестроек внутри здания, конечно, было гораздо больше, и последние произошли во время ремонта 1978 – 1989 гг.

В 1849 г., когда основные работы были завершены, совет Института пришел к выводу, что солдатское отделение неразумно переселять в новое здание, т. к. условия в нем не соответствуют их состоянию. «Наружное различие между благородными и солдатскими воспитанницами может производить неблагоприятное нравственное влияние, – посчитал совет. – Видя разницу между собой, солдатская дочь может сделаться или вялою или неразвитою, или же завистливою и злою. С другой стороны – опасность привить благородным воспитанницам излишнего самолюбия и превратного взгляда на сословие, ниже их стоящее». Главный совет женских учебных заведений счел эти соображения разумными, и солдатское отделение перевели в школу Человеколюбивого общества. В связи с этим внутри здания произвели некоторые переделки: первый этаж стал полностью административно-хозяйственным, второй – учебным, а третий – жилым. Переезд воспитанниц в новое здание состоялся 28 июня 1851 г. С тех пор и до конца своего существования Павловский институт находился в этом здании, лишь однажды, на время ремонта в 1862 г., переселившись в Таврический дворец.

⁶ РГИА. Ф. 218. Оп. 1. Д. 7536. Л. 50.

С момента утверждения «Положения об Императорском Военно-Сиротском доме» до постройки нового здания прошло более пятидесяти лет. За это время многое изменилось в жизни Института да и общества в целом. В 1850 г. был принят новый Устав женских учебных заведений. Разработал его и внедрил в жизнь, а также организовал учебную часть в Павловском институте замечательный педагог того времени Матвей Максимович Тимаев. Для организации учебного процесса сюда были брошены лучшие педагогические силы столицы. На вновь учрежденную должность инспектора классов сначала был приглашен Михаил Борисович Чистяков, а с конца 1852 г. ее занимал профессор Николай Алексеевич Вышнеградский. Этот выдающийся педагог при большой поддержке принца П. Г. Ольденбургского сыграл огромную роль в развитии женского образования. В этом же году вместо князя Ширинского-Шихматова членом совета Института был назначен Авраам Сергеевич Норов, будущий министр народного просвещения. Все эти люди вместе с начальницей Н. Р. Фредерикс, другими членами совета, почетными опекунами, педагогами и сотрудниками помогли Институту правильно организовать образовательно-воспитательный процесс, благодаря чему он долгие годы шел в ногу со временем. В дальнейшем здесь были организованы специальные педагогические классы, так как потребность в учительницах и наставницах все время возрастала.

В 60-е гг. XIX в. покровительство над женскими учебными заведениями перешло к императрице Марии Александровне, супруге Александра II. Павловский институт приобрел ее особое доверие, так как именно здесь стали происходить первые преобразования в закрытой системе женского воспитания, введенные потом и в других институтах Ведомства. В это же время на место Н. Р. Фредерикс начальницей института была назначена Мария Васильевна Розен. При ней многие институтские порядки претерпели изменения. Именно она предложила заканчивать учебный год перед летними каникулами, а не как раньше, в декабре, что потом переняли все институты и что не изменилось и поныне. В практику воспитания вошли музыкальные вечера, литературные чтения, постановка спектаклей на иностранных языках, посещения музеев и прогулки по живописным местам города и пригородов. И, наверно, не случайно из воспитанницы именно этого периода, когда были созданы все условия для развития творческих способностей учениц, выросла детская писательница Лидия Чарская. Кроме того, М. В. Розен как дочь врача активно занималась здоровьем своих подопечных. В это время в саду был устроен фонтан с бассейном и тентом для купания воспитанниц. Больные девочки летом отправлялись на воды или на море, а здоровые – на дачу. Императрица Мария Александровна посылала вновь назначенных начальниц для ознакомления с Павловским институтом, называя его «образцовым семейством». При М. В. Розен институт пережил два больших юбилея – пятидесятилетие со дня переименования Девичьего училища Военно-Сиротского дома в Павловский институт и столетие со дня своего основания. Обе эти даты были пышно отмечены.

После смерти М. В. Розен в 1899 г. и до революции Институтом руководили еще три начальницы. Сроки их руководства были слишком малы для того, чтобы что-то глобально изменить в институтском укладе. 1917 г. поставил точку в его развитии, а в 1918-м история Павловского института закончилась навсегда. Остается радоваться, что здание, в котором выросло не одно поколение благородных воспитанниц, сохранилось до наших дней и в нем до сих пор учатся дети.